

И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ

ЧЕХОВ В АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Арабы стали знакомиться с Чеховым еще при его жизни, почти одновременно с тем, как начали переводить произведения русских классиков старшего поколения. К концу XIX в. в Палестине и Сирии образовалась дружная группа переводчиков непосредственно с русского—факт, который в последующие периоды, к сожалению, не повторялся. Своим происхождением она была обязана школьной деятельности Палестинского общества, особенно основанию двух учительских семинарий—мужской в Назарете (1886) и женской в Бейт Джале, около Вифлеема (1890). Русский язык был обязательным во всех школах Общества; представление о современной русской литературе внесли, может быть, не столько официальные программы, сколько русские учителя, нередко сюда попадавшие, а особенно питомцы этих школ, часто продолжавшие образование в России.

Какое впечатление производили на них лучшие традиции нашей классической литературы, какое влияние оказывали они на их собственное творчество, ярко говорит пример одного из крупнейших литераторов и критиков арабской современности, Михаила Нуайме (род. в 1889 г.). Уроженец Ливана, он получил первоначальное образование в школах Палестинского общества, сперва в родной деревне Бискинте, затем в семинарии в Назарете, после чего пять лет, с 1906 по 1911 г., провел в Полтаве тоже в семинарии. В автобиографии, опубликованной на английском языке лет 15 назад, он, между прочим, писал: «Моим любимым предметом уже в Назарете была литература... В семинарии я скоро погрузился в русскую литературу. Передо мной точно открылся новый мир, полный чудес. Я читал с жадностью. Едва ли существовал какой-нибудь русский писатель, поэт или философ, которого бы я не перечитал... Литературный застой во всем говорящем по-арабски мире бросился мне в глаза, когда я покинул Россию. Это действовало удручающе, и было обидно до крайней степени для человека, воспитанного на тонком искусстве Пушкина, Лермонтова и Тургенева, на «смехе сквозь слезы» Гоголя, на увлекательном реализме Толстого, на литературных идеалах Белинского и в конце концов на высокой человечности самого мощного, глубокого, полного и наиболее проникновенного среди всех русских писателей—Достоевского. Вы легко можете понять, почему мои первые литературные опыты на арабском языке были главным образом критического характера».

Наряду с классиками отходившего поколения, иногда звучавшими для арабов на рубеже XIX—XX в. уже прошлым, их мысли захватывали и властители дум современной им России—старший, бо-

лее мягкий Чехов и молодой и мятежный буревестник Горький. С обоими арабы стали знакомиться почти одновременно. И школьные учителя, и врачи, получившие образование в России, и провинциальные журналисты, прошедшие школы Палестинского общества,—все они выступали переводчиками обычно в различных периодических изданиях Палестины и особенно Сирии; часто переводы их объединялись впоследствии в отдельные сборники.

Самая форма ранних рассказов Чехова была особенно удобна для целей этих переводчиков: небольшие по объему, они легко умещались в одном номере газеты или журнала. Занимательная фабула оказывалась доступной для читателя даже среднего уровня, а сюжет, непосредственно вводивший в жизнь современной России, был особенно привлекателен для сирийского араба той эпохи, симпатии которого часто устремлялись к нашей стране больше, чем к Западной Европе. Популярности Чехова содействовало еще другое обстоятельство, как бы внешнего порядка. В 1899—1901 гг. сочинения его были даны в приложении к популярному тогда журналу «Нива», который пользовался широким распространением и среди русских учителей в Палестине и особенно среди арабов, побывавших в России или просто имевших какое-нибудь отношение к ней. Его произведения быстро распространяются всеми пропагандистами русской литературы. Чехов представлен уже в первом большом сборнике переведенных с русского рассказов, который в 1905 г. напечатал учитель одной из северо-сирийских школ Палестинского общества, Ибрахим Джабир, сам никогда не бывавший в России. Когда в 1913 г. другой учитель, Антун Баллян, получивший высшее образование в России, издал в Сирии, в Хомсе сборник своих переводов за полтора десятка лет, Чехов с пятью рассказами занял там место непосредственно за Толстым, из произведений которого было переведено семь. С начала XX в. до первой мировой войны Чехов сохраняет прочное положение в этой области арабской литературы, создаваемой и расходящейся главным образом среди арабской интеллигенции, духовно тяготевшей к России. Полный библиографический учет всего переведенного за этот период в настоящее время еще невозможен: в арабских странах нет органа для учета всей печатной продукции и нет библиотеки, которая ставила бы себе задачей систематически ее собирать. В каждом отдельном случае необходимы сложные кропотливые разыскания на месте, результат которых зависит от целого ряда обстоятельств.

Тем не менее даже наличные материалы позволяют характеризовать ту большую роль, которую сыграла эта первая плеяда переводчиков. Прежде всего особенно важно отметить, что переводы выполнялись непосредственно с русского лицами, которые хорошо знали Россию, нередко даже бывали и жили в ней. Однако с внешней стороны им вредило то, что они печатались обыкновенно в мелких провинциальных изданиях, не получавших широкого распространения за пределами одной арабской страны, и не могли оказать воздействия на всю развивающуюся арабскую литературу, главным лидером которой оказывался преимущественно Египет. К этому присоединилось второе обстоятельство, тоже отрицательного порядка: на Чехова эти первые переводчики смотрели так же, как и в России 80-х или начала 90-х годов: в нем видели, если и не анекдотиста, то лишь занимательного рассказчика с неглубокой, обыкновенно юмористически окрашенной фабулой. Его художественное мастерство само по

себе не привлекало внимания; оставались в стороне и его крупные произведения. Новая развивающаяся арабская литература в начале XX в. едва выходила из стадии просветительства и не чувствовала еще необходимости новых форм для своего выражения.

Большие сдвиги произошли после первой мировой войны, особенно с 20-х годов главным образом в Египте, когда Чехов пришел к арабам уже не из России, а с Запада, не специально как русский, а как мировой писатель. Это совпадало с неудовлетворенностью существовавшим литературным стилем, с поиском новых литературных жанров. Если в предшествующем периоде, среди представителей так называемой сиро-американской школы, созданной арабами—выходцами из Сирии в Северной Америке, главным жанром оказались очерки-эссеи и стихотворения в прозе, то теперь в Египте прокладывает себе дорогу новелла, именно египетская новелла—мелкий рассказ на реалистической основе из окружающей жизни. Большая заслуга в развитии ее принадлежит братьям Теймурам, в особенности младшему, Махмуду Теймуру, который в настоящее время является общепризнанным главой школы египетских новеллистов, широко распространившей свое влияние на другие арабские страны.

Начав деятельность в конце второго десятилетия XX в. вместе с рано умершим братом Мухаммедом, на первых шагах под влиянием Мопассана, Махмуд Теймур скоро нашел свою настоящую дорогу благодаря русской новелле, и в особенности Чехову. Об этом говорят не только самые его произведения, которые в настоящее время составляют уже больше десяти томов и частично переведены на французский, немецкий, итальянский языки, но также очень показательные авторские признания, повторявшиеся им в печати неоднократно.

В 1939 г., говоря о своей творческой автобиографии и специально отметив в ней роль Чехова, он, между прочим, писал: «Русская новелла отличается правдивостью и простотой; она как бы «фрагмент» души автора и его наблюдений, которые он излагает без усилий или искусственности. Когда читаешь одну из таких новелл, в ней не видно надуманного содержания с введением и заключением, а выступает только простая страница жизни; но за этой кажущейся простотой открываются страницы настоящей человеческой трагедии. Мы уверены, что сила рассказа основана не на событиях, внешне возбуждающих или впечатляющих, или на вульгарных страстях, которые пытается взволновать слабый писатель, чтобы скрыть за этим свою слабость; настоящая сила рассказа основана на его прямоте и правдивости, на его выражении в высокой художественной форме».

Эта оценка рельефно показывает, как выросло понимание Чехова в арабской литературе за сорок лет со времени появления его первых рассказов в переводе. Теперь он не просто занимательный повествователь, знакомящий с мало известной страной, — теперь он учитель высокого художественного мастерства, даже на далеком, казалось бы, от него материале арабской жизни.

Это признание Чехова автором, который говорит для всего человечества, не стоит особняком в современной арабской литературе. В начале 1944 г. наиболее популярный каирский журнал «Аль-Хильяль» (Полумесяц), который недавно отпраздновал полувековой юбилей, выпустил специальный номер, посвященный современной новелле; в нем нашли отражение основные показательные для настоящего момента течения. Рядом с произведением Теймура здесь помещен рас-

сказ одной молодой его последовательницы; уделено место двум историческим повестям из арабской и византийской жизни, борьбе с фашистами прямо или косвенно посвящены три рассказа, адаптированные на основе современных произведений английской и зарубежной немецкой литературы.

При таком составе неожиданным, на первый взгляд, кажется появление в систематическом, по-своему, сборнике перевода «Медведь» Чехова. Однако случайностью считать это нельзя. Переводчик Зеки Тулеймат, художественный руководитель Египетского театрально-музыкального объединения, человек с большим литературным именем, обосновывает свой взгляд на Чехова в кратком введении. Он указывает, что арабская сцена до сих пор знает только три театральные обработки произведений русской литературы: «Воскресение» и «Анну Каренину» Толстого, «Преступление и наказание» Достоевского. Теперь он хочет познакомить с Чеховым, третьим из наиболее талантливых русских писателей, которые занимают выдающееся место в мире театрального творчества. Он не собирается говорить о крупных достоинствах настоящей пьесы с точки зрения развития действия или существа диалога, равно как трактовки душевных движений. Достаточно подчеркнуть, — отмечает Тулеймат, — что автор коснулся в ней старой истины о ненависти и любви — двух крайностях одного психического состояния; между ними часто сердце колеблется бессознательно, сохраняя способность к резким переходам. В душах обоих героев, по его словам, борются как бы две личности. Это своеобразное раздвоение сознания удалось обрисовать Чехову еще до того, как оно было проанализировано наукой. Такой факт говорит о здоровой проницательности писателя, о его глубоком проникновении в изгибы души, об умении уловить то, что в ней скрыто. «Это большое достоинство, — заключает Тулеймат, — которое придает его произведениям отпечаток высокой литературы, вечной в своей правдивости, литературы, которая обращается к человечеству в целом, выходя за пределы отличий религии, языка и страны».

Таковы те соображения Зеки Тулеймата, которые побудили издателей включить это произведение Чехова в сборник, отражающий современные настроения арабской литературы. Нет, конечно, нужды останавливаться на деталях его взглядов или выводов Теймура, которые могут иногда разойтись с анализом нашего литературоведения; важно подчеркнуть, как серьезно относятся к творчеству Чехова крупнейшие представители современной арабской литературы, как они не только ищут у него ответа на вопросы художественного мастерства или тонкого анализа внутренних движений души, но даже обращаются за объяснением современности. При таком серьезном подходе арабам не трудно будет преодолеть те недостатки, которые отражает их небогатая «Чеховиана». Наличные переводы — обыкновенно еще невысокого качества, самое количество их невелико, крупнейшие произведения, в частности драматические, остаются непереведенными. И несмотря на все это, гордостью переполняется наше сердце, когда мы слышим, как крупные арабские писатели наших дней говорят, что Чехов представитель той литературы, которая обращается ко всему человечеству. Мы можем только прибавить, что и здесь уже стерты грани между Западом и Востоком; мы чувствуем, как наши востоковедные штудии входят органическим вкладом в общую сокровищницу человеческой культуры.